

учителя Самария Ильича, и был инфаркт у его ученика Виталия Маргулиса, также бывшего моим учителем. Я в течение трех лет не выходила на концертную эстраду, и когда наконец вышла на госэкзамен с Пятой партией Баха и сыграла пять тактов, то вдруг остановилась, увидев, сколько выдающихся пианистов — Голубовская, Разумовская, Логовинский, Перельман — собралось там, на балконе Малого зала Консерватории. И я подумала: что же я так волнуюсь? Какое мне до них дело? Сосредоточилась — и сыграла, получив свою отличную оценку. Ко мне за кулисы пришел уникальный музыкант и философ Натан Перельман, с которым мы потом пять лет снимали цикл передач «Беседы у рояля», приобщая простых зрителей к искусству фортепиано. И он спросил: «Ирочка, вы что, нас послали далеко-далеко?» Я удивилась: «Натан Ефимович, меня так не учили». Он ответил: «Вы так на нас посмотрели, что было ощущение, что все было именно так». Он правильно перевел мою основную мысль. Он же мне сказал: «Я видел много пианисток. Одни играли бы-

стро, другие — ловко. А вы играли интересно. Наверное, хорошо, что вы три года проучились на режиссерском факультете. Это дало вам совершенно иной взгляд на музыку». Я этот случай вспомнила к тому, что школа дает такой запас артистической прочности, профессионализма и энергетики, что даже когда ты растеряешься, то сможешь собраться и потом идти дальше.

Таким образом, через десятилетку прошло пять поколений нашей семьи, если считать смену поколений в 10–15 лет: мой отец, старший брат Марк, затем я, мой племянник Игорь и его дочь. Для меня неразрывная связь со школой означает, что это не просто место, где получают профессию, но школа жизни, которая научила меня всему — культуре, вкусу, поведению. Вся школа дышала звуками. Это был действительно мир, в котором у юного человека дыхание захватывает и внутри звучит песня, и она становится мелодией, сопровождающей всю его дальнейшую жизнь.

Записала Д. А. Варуль

Mariss JANSONS Lessons of friendship

Mariss Jansons, the conductor and 1962 school graduate, tells about his school years. Remembering his teachers and classmates Jansons focuses on a very special school atmosphere which provided a combination of adherence to principle, exactingness, goodwill and friendly support.

Keywords: M. Jansons, A. Jansons, Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, students, teachers, V. T. Spivakov, S. M. Volkov, D. S. Goloshchekin, V. P. Afanasev, L. L. Rudova, R. I. Sereda, V. G. Shipulin, M. V. Shapiro, S. Ya. Volfenzon.

Марис ЯНСОНС Уроки дружбы

О своей учебе в специальной музыкальной школе Ленинградской консерватории рассказывает дирижер Марис Арвидович Янсонс, окончивший школу в 1962 году. Вспоминает об учителях и одноклассниках, М. А. Янсонс делает особый акцент на атмосфере, царившей в десятилетке: сочетании принципиальности и требовательного отношения к работе с доброжелательностью и дружеской поддержкой.

Ключевые слова: М. А. Янсонс, А. К. Янсонс, школа-десятилетка Ленинградской консерватории, ученики, преподаватели, В. Т. Спиваков, С. М. Волков, Д. С. Голощекин, В. П. Афанасьев, Л. Л. Рудова, Р. И. Серeda, В. Г. Шипулин, М. В. Шапиро, С. Я. Вольфензон.

Владимир Дудин. *Марис Арвидович, какими были Ваши первые впечатления от школы-десятилетки, что особенно запомнилось?*

Марис Янсонс. Это был для меня довольно сложный период. В 15 лет, приехав в Ленинград из Риги, я пошел в десятилетку. Мне многое было непонятно, я плохо

знал русский язык и очень стеснялся, сильно комплексовал по этому поводу. Дома со мной занималась учительница, которая не только помогала с русским и литературой, но и объясняла задания по химии, географии, математике, потому что я просто не понимал многих слов. Я тщательно взялся за русский. В первом диктан-

Выпускники и педагоги
хорового отдела школы. 1962 год.
Сидят, слева направо: Р. Л. Зусман,
Р. Г. Борщевская, М. В. Шапиро,
М. ? Кондратьева, М. К. Велтистова.
Стоят, слева направо: В. Тагиев,
В. Афанасьев, Р. И. Середа,
В. Г. Шипулин, М. Янсонс,
М. Г. Молчадская, П. Бирюков,
С. Я. Вольфензон

те я допустил 49 ошибок. Но где-то уже к концу декабря ошибок осталось всего три. Я занимался целыми днями. Мне было трудно — очень большая нагрузка и ответственность. Но рядом я чувствовал плечи замечательных одноклассников, принявших меня сердечно. Все ребята отличались открытостью, поддерживали меня, помогая избавиться от комплексов. Я постепенно раскрепощался. До сих пор обо всех вспоминаю с величайшей благодарностью. Это и Володя Спиваков, и Соломон Волков, и Давид Голощекин, и Вадим Афанасьев, и Люба Рудова, работающая в десятилетке по сей день, — всего более 20 человек, и каждого я мог бы назвать, но это займет много места.

В. Д. Как обстояли дела с музыкальными дисциплинами?

М. Я. Я учился на дирижера хора, а параллельно занимался на скрипке, потому что папа настаивал. Хотя я уже понимал, что буду дирижером. Однако чем старше я становился, тем труднее мне становилось совмещать два предмета, и я постепенно оставил скрипку: дирижирование стало основным направлением. Окончил я десятилетку с серебряной медалью. Еще одним моментом, добавлявшим мне комплексов, являлось то, что мой папа был известным дирижером. А в те времена на такое смотрели косо, не одобряли. Это сегодня никто ни на что не смотрит: кто может пролезть — пролезает любыми путями. А тогда это было довольно сложно с точки зрения морали. Поэтому я с самого начала попросил отца, чтобы никакой помощи он мне не оказывал. Я хотел доказать, что в сложной ситуации сам могу справиться. Воспитывал себя, был дисциплинированным, ответственным и работоспособным. Эти качества я очень сильно развил в музыкальной школе, а затем и в Консерватории.

В. Д. Кого из педагогов чаще всего вспоминаете?

М. Я. Во-первых, нашу классную руководительницу — Раису Иосифовну Середу, которая руководила и школьным хором. Мой педагог по дирижированию — Владимир Германович Шипулин был замечательнейшим учителем, он преподавал и в Консерватории. Игрой на скрипке я занимался под руководством Рябинкова и Гинзбурга. Помню замечательного учителя по физике Мирского, учителя по литературе. Учителя были великолепными — понимали, что у нас большая нагрузка по музыкальным предметам, что у нас особое призвание, поэтому требования их были очень человечными. Сольфеджио вела Муза Вениаминовна Шапиро, по гармонии я занимался с Сергеем Яковлевичем Вольфензоном. Высокопрофессиональные были учителя. Я вспоминаю о десятилетке с большой благодарностью и теплотой.

В. Д. Атмосфера в школе была строгой?

М. Я. К нам относились строго, предъявляли высокие требования, следили за дисциплиной, но было замечательно. Школа запомнилась мне дружной, спаянной, бесконфликтной. Я был очень прилежным, хотя иногда и позволял себе шалости. Когда выдавалась минутка, мы иногда и шалили с Володей Спиваковым, как свойственно мальчикам в этом возрасте. Много играли в баскетбол в спортзале, каждую перемену старались сбегать туда. У нас был очень хороший учитель по физкультуре. В ботинках в зале не разрешалось, нужны были кеды, но учитель понимал, что нам нужна разрядка, и позволял поиграть, пока длился перерыв, после чего, взмошше, мы бежали в класс.

В. Д. Помните свое самое яркое музыкальное впечатление тех лет?

М. Я. Папа работал в филармонии, и мы очень часто ходили на концерты. Я присутствовал и на его

репетициях. Музыка с шести лет заняла самое главное место в моей жизни. Я очень много обсуждал с папой музыку, дирижирование, интересовался оркестрами и в Риге, и в Петербурге, знал по фамилии музыкантов Заслуженного коллектива и второго оркестра Филармонии еще до приезда в Ленинград. Я посещал все важные концерты, от которых получал очень сильные впечатления.

В. Д. *Какие уроки жизни Вы вынесли из школы?*

М. Я. Я становился человеком, личностью, хотя более серьезное личностное формирование началось, конечно, в Консерватории. Но в школе я начал понимать, как ценна музыкантская дружба и взаимовыручка — то, о чем мы сегодня уже не говорим. Раньше, если кто-то заболел, весь класс звонил домой, переживая друг за друга. Это все была учеба жизни, дававшая уроки преданности, дружбы, единомыслия.

Беседовал В. В. Дудин

Leonid ZAYCHIK Love art, not yourself in art

Леонид ЗАЙЧИК Любить искусство, а не себя в искусстве

Дарья Варуль. *Леонид Михайлович, расскажите, пожалуйста, о Ваших первых годах в школе, о педагогах, у которых довелось учиться, о Ваших одноклассниках.*

Леонид Зайчик. Я оказался в десятилетке в конце 1950-х годов. Поступил в пятый класс, до этого учился в районной музыкальной школе, которая находилась тогда на углу улиц Некрасова и Короленко и носила имя Н. А. Римского-Корсакова (ныне Школа искусств имени С. В. Рахманинова). Закончил я десятилетку в 1965 году. Это было время наивысшего подъема, расцвета школы и, наверное, всего исполнительского искусства не только в нашем городе, но и во всей стране: конец 1950-х, 1960-е и начало 1970-х тоже. Тогда к школе было не подступиться: безумный конкурс, очень сложный отбор, много желающих учиться. И тогда же — блестящий педагогический состав, очень яркий и интересный. Те, кто преподавал в школе, — ученики Н. И. Голубовской, С. И. Савшинского, В. Х. Разумовской, П. А. Серебрякова и даже Г. Г. Нейгауза, — представляли разные направления. Когда я только поступил, начинала работать ученица Веры Харитоновны Разумовской Марина Вениаминовна Вольф. Преподавали и последователи школы Л. В. Николаева. В целом получался яркий и разноцвет-

In the article Leonid Zaychik (Honored Artist of the Russian Federation, Professor, the Dean of the St. Petersburg Conservatory Piano Faculty) tells about the 1960s — one of the most productive periods in Secondary Special Music School history.

Keywords: L. M. Zaychik, E. S. Gugel, N. I. Golubovskaya, Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, piano classes.

Об одном из самых плодотворных периодов в истории школы-десятилетки — 1960-х годах — рассказывает Заслуженный артист Российской Федерации, профессор, декан фортепианного факультета Санкт-Петербургской консерватории Леонид Михайлович Зайчик.

Ключевые слова: Л. М. Зайчик, Е. С. Гугель, Н. И. Голубовская, фортепианные классы школы-десятилетки Ленинградской консерватории.

ный букет, и все это в рамках одного фортепианного отдела, что в целом давало интересные результаты. В отличие от нынешних времен, вся музыкальная жизнь школы практически не выходила за рамки ее прекрасного Большого зала. Там стоял старенький, но неплохо звучащий Steinway, и на замечательные концерты школы приходило много публики. Раз в год Филармония предоставляла свой Большой зал для отчетного концерта школы, но это был, конечно, грандиозный праздник и настоящее событие. Сегодня мы наблюдаем совсем другую картину: многие педагоги арендуют концертные площадки в городе, в том числе Малый зал филармонии, зал Академической капеллы, но это все, на мой взгляд, выбивается за рамки школы. Это уже скорее некое шоу, нежели серьезный профессиональный отчет и одновременно музыкальный праздник. Поэтому время, о котором я буду рассказывать, мне вспоминается в иных красках и, к сожалению, с ощущением чего-то безвозвратно ушедшего.

Мой педагог по десятилетке — Елена Самойловна Гугель — была ученицей Надежды Иосифовны Голубовской, но в свои юные годы застала в Киеве тогда еще тоже очень молодого Нейгауза, и ей посчастливилось